

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЗРАИЛЯ И ТУРЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сергей Минасян

Работа посвящена развитию и современному состоянию израильско-турецких отношений в военно-политической сфере, дается краткий обзор эволюции военно-технического и внешнеполитического сотрудничества двух стран. Анализируется современный уровень стратегического партнерства Израиля и Турции, а также его влияние на проблемы региональной безопасности Ближнего и Среднего Востока. Делается заключение, что сотрудничество двух стран в сфере безопасности является важнейшим элементом в двусторонних отношениях между Израилем и Турцией.

Введение

Традиционно еврейское государство в своей стратегии по обеспечению безопасности исходило из двух важнейших постулатов. Первым являлся «детерминизм», подразумевающий поддержку Израиля со стороны одной из ведущих сверхдержав (Франция, позднее США), направленный на получение новейших военных технологий и политической поддержки на мировом уровне в случае осуществления Израилем различного рода преемптивных и превентивных силовых операций, необходимых для обеспечения и поддержки основного элемента безопасности Израиля – политики сдерживания. Вторым важнейшим аспектом являлась «периферийная стратегия», предусматривающая сотрудничество в сфере безопасности с неарабскими государствами региона. Началом этому послужили секретные связи Израиля с христианской Эфиопией и шахским Ираном. Наряду с политическим и военно-техническим сотрудничеством, обменом разведывательной информацией с этими государствами составной частью «периферийной стратегии» являлась также поддержка Израилем религиозных и национальных меньшинств в арабских государствах, например, христиан в Ливане или повстанцев на юге Судана. Но наиболее амбициозным примером подобного рода являлось сотрудничество с шахским Ираном в поддержке курдской оппозиции на севере Ирака, продол-

жавшееся вплоть до 1975г., когда шах решил улучшить отношения с Ираком и закрыл доступ Израилю в населенные курдами районы Ирака [1].

Кардинальные перемены на Среднем Востоке в конце 50-х гг. прошлого века, связанные с усилением в регионе влияния Советского Союза и фактическим развалом прозападного Багдадского пакта (после выхода Ирака из его состава вследствие переворота полковника Кассема), заставили и Анкару присоединиться к Израилю в его действиях по формированию антиарабского союза. Это послужило началом тесных разносторонних связей между двумя странами, прежде всего, в военно-политической сфере. Несмотря на периоды взлетов и падений, даже охлаждений, эти отношения к середине 90-х гг. XX в. стали приобретать все большую конкретность и характер полного стратегического партнерства, дав повод многим экспертам по проблемам безопасности Среднего Востока говорить о формировании военно-политического альянса между Турцией и Израилем. Это стало одним из ключевых факторов региональной безопасности на современном этапе.

Причинам и стимулам формирования стратегического альянса между двумя государствами, равно как эволюции развития турецко-израильского военно-политического сотрудничества посвящена довольно обширная литература [2-7]. Мы уже рассматривали проблему современного состояния и перспектив военно-политического сотрудничества Израиля и Турции [8,9], поэтому в данной работе освещены общие вопросы, связанные со стратегическим партнерством двух стран, а также его влиянием на проблемы региональной безопасности.

Главная составляющая альянса – военно-техническое сотрудничество

Окончание «холодной войны» поставило обе страны, но в первую очередь Турцию, перед лицом новых угроз и вызовов в обеспечении собственной безопасности. Как красноречиво заметил в 1993г. бывший турецкий министр иностранных дел Хикмет Четин, распад СССР и образовавшийся вакуум влияния внерегиональных «центров силы» на Среднем Востоке превратили Турцию из «флангового государства» в «прифронтовую страну», столкнувшуюся с многочисленными «фронтами на своих границах» [10]. Основную роль в установлении новых тесных контактов между Турцией и Израилем сыграли турецкие генералы. Главными идеологами

развития отношений с Израилем с турецкой стороны были заместитель министра иностранных дел Онур Оймен и бывший заместитель начальника Генерального штаба Чевик Бир [11]. По их мнению, стратегические угрозы для национальной безопасности Турции ныне носят иной характер, чем в период «холодной войны». Это требует новых подходов к ее обеспечению, основой для которых должно стать военно-политическое сотрудничество с Израилем - единственным светским государством на Ближнем Востоке, которое придерживается прозападных позиций, западных ценностей и демократических принципов [6, с.105-113].

Первое турецко-израильское соглашение о военном сотрудничестве было подписано 23 февраля 1996г. в Тель-Авиве в обстановке полной секретности заместителем начальника Генерального штаба Турции Чевиком Биром и руководством Министерства обороны Израиля. Впервые в истории турецко-израильских отношений соглашение предусматривало взаимодействие вооруженных сил двух государств в реализации программ военного обучения, совместные сухопутные, военно-морские, военно-воздушные маневры, создание объединенной группы военно-стратегических исследований, тренировочные полеты турецких самолетов в израильском небе, а израильских – в турецком, инструктаж турецких пилотов, обмен информацией, особенно в области борьбы с так называемым терроризмом (что предусматривает совместный разведывательный мониторинг двух стран на границах с Сирией, Ираном и Ираком). Кроме того, согласно этому документу, Израиль брал на себя обязательство помочь Турции в переоборудовании и укреплении ее границ с Ираном, Сирией и Ираком для защиты от курдских повстанцев.

Лишь позже стала появляться информация о деталях этого документа [12]. Выяснилось прежде всего, что поскольку и Турция, и Израиль имеют на вооружении одни и те же типы американских боевых самолетов, технологическое сотрудничество ВВС двух стран в их эксплуатации является и необходимым и полезным. Соглашение предусматривало, что в воздушном пространстве Израиля или Турции будут проводиться учебные полеты – первоначально без боевой техники, боеприпасов и электронно-разведывательного оборудования [6, с.105-113]. В соответствии с подписанными соглашениями израильским боевым самолетам предоставлена возможность пользоваться базами и воздушным пространством Турции для проведения боевой подготовки. В частности, на турецкой авиабазе Акинси периодически базируются израильские F-16. Намечено расширение связей по линии ВМС

двух стран. Достигнута договоренность об обмене разведывательной информацией и стратегическими оценками ситуации в регионе. Примером сотрудничества двух стран в области обмена военной информации может послужить предоставление Израилем Турции технических сведений об истребителях МиГ-29 - наиболее современных боевых самолетах, различные модификации которых находятся на вооружении ВВС Сирии, Ирана и ряда других стран региона, с которыми у Анкары весьма напряженные отношения. Эти сведения были получены израильянами после передачи им 3 самолетов МиГ-29 из ФРГ, которой эти бывшие восточногерманские истребители советского производства достались после объединения Германии [13]. Израильяне должны были оказать помощь Турции и в укреплении ее границ с соседними арабскими странами и Ираном, включая совершенствование сети радиотехнической разведки в приграничных районах

Уже 28 августа 1996г. один из руководителей Министерства обороны Израиля генерал Давид Ирви прилетел в Анкару, чтобы подписать контракты по модернизации 54 турецких самолетов *F-4 Phantom* на общую сумму свыше \$600 млн. и организовать структуру военного сотрудничества между двумя государственными авиационными предприятиями.

Приход исламистов к власти в Турции в этот период не смог создать препятствий для дальнейшего развития отношений, т.к. турецкий генералитет, традиционно имеющий большое влияние в политической жизни страны, оказал жесткое давление на правительство с целью углубления сотрудничества с Израилем. Чтобы продемонстрировать миру, что военные убедили турецкого премьера, начальник Генерального штаба генерал Исмаил Карадайи отправился в феврале 1997г. в Тель-Авив и вновь подтвердил решимость Турции продолжить военное сотрудничество с Израилем. Во время этой поездки обсуждался уже новый вопрос – о проведении совместных военно-морских маневров при участии кораблей 6-го американского флота. Говоря о перспективах военного сотрудничества с Израилем, начальник турецкого Генштаба заявил израильянам, что Турция не будет делиться предоставленной Израилем военной информацией с другими странами и передавать им израильскую военную технологию [7,с.86-90].

В октябре 1997г. соглашение о военном сотрудничестве двух государств региона обогатилось еще одной договоренностью – о ракетах. Это стало возможным после визита в Турцию начальника Генштаба Израиля генерала Амнон Липкин-Шаака, который встречался не только с военным руководством страны, но и был принят президентом С.Демирелем и пре-

мьером М.Иылмазом. Из турецких военных источников стало известно, что «в течение нескольких месяцев Турция и Израиль обсуждали вопрос производства ракет дальнего действия. Во время визита А.Шахака стороны сосредоточили основное внимание на создании спутниковой системы связи для обеспечения надежного канала информации и производстве ракет «Делила» с радиусом действия 500 км, в связи с усилением беспокойства по поводу поставок на Кипр ракет *S-300* российского производства, равно как и из-за угрозы ракетных ударов из Ирака, Сирии и Ирана, достигшей «опасного уровня». Готовность продать ВВС Турции свои ракеты *Python-2* класса «воздух-воздух» выразила также израильская компания «Рафаэл» [6, с.161-162].

Одной из наиболее важных двусторонних программ является совместное производство систем ПРО, что связано с озабоченностью обеих стран появлением ракетных систем у ряда государств Среднего Востока. В 1988г. в рамках работ по американской программе «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) компания *IAI* («*Israel Aircraft Industries*») получила от Министерства обороны США заказ на разработку, производство и летные испытания зенитно-ракетного комплекса (ЗРК), способного поражать тактические баллистические ракеты, получившего название *Arrow* (по своим возможностям наиболее близкого к ЗРК советского/российского производства *S-300V*), который планировалось развернуть в Израиле с 1998г. В дальнейшем Израиль планирует, в случае получения согласия Вашингтона, поставить ракеты *Arrow* или их усовершенствованный вариант *Arrow-2* и в Турцию [14, 15]. Первый совместный запуск ракет *Arrow* был успешно проведен в июне 2001г. в ходе трехсторонних американо-израильско-турецких военных учений *Anatolian Eagle* на юго-востоке Турции [16].

В начале 1997г. после утверждения президентом Турции вступил в силу контракт стоимостью \$670 млн. (с учетом процентов по кредиту – \$800 млн.) на модернизацию 54 самолетов *F-4E* компанией *IAI* по программе *Phantom-2000*. Помимо мероприятий по продлению сроков их эксплуатации еще на 20 лет предполагалось заменить устаревшее бортовое оборудование, установить новые РЛС *EL/M-2032* и аппаратуру радиоэлектронной борьбы израильского производства [17], а также оснастить их ракетами «воздух-земля» *AGM-142 «Popeye-1*». Для успешной реализации программы израильский парламент даже принял решение о выделении кредита в \$430 млн. Весной 1996 г. группа турецких

летчиков прошла в Израиле подготовку по эксплуатации новых радиолокационных станций, аналогичных устанавливаемым на израильских *F-4-2000* [18].

В рамках подписанного \$80-миллионного контракта на модернизацию самолетов *F-4E* у Израиля закупаются 46 ракет *Popeye-1* производства компании «Рафаэл» для установки на прошедших переоснащение самолетах *F-4E*.

В январе 1999г. вступил в силу контракт стоимостью \$130 млн. с сингапуро-израильским консорциумом в составе компаний «Сингапуре Аэропейс», *IAI* и «Элбит» на модернизацию 48 турецких самолетов *F-5A/B*. Первоначальные работы по модернизации выполнялись на предприятии «Лавав» израильской компании *IAI*. Проект должен быть завершен в 2004г. Модернизация первых четырех самолетов *F-5A* в 1-м центре по ремонту и обслуживанию самолетов началась в первом квартале 2000г. Израиль также заинтересован в модернизации турецких учебных самолетов *T-34* и *T-38*. В настоящее время командование ВВС Турции разрабатывает концепцию этой программы с целью продлить срок эксплуатации этих самолетов до 2015г.

В декабре 1998 г. аппарат советника по вопросам военной политики Турции получил предложения от фирм «Дженерал Атомик» (США), *IAI* (Израиль) и *CATIC* (Китай) на совместное изготовление в Турции 37 беспилотных летательных аппаратов трех видов: ближнего радиуса действия – 14 ед., среднего – 8 ед. и дальнего – 15 ед. Соисполнители будущего контракта с турецкой стороны - компании *TAI* и «Аселсан». Ожидалось, что этот проект стоимостью около \$750 млн. может быть реализован в течение семи лет после 2000г. [19].

Израильской фирмой «*SimiGon*» разработан тренировочный комплекс обучения пилотов истребителей, заказ на который израильская компания получила также и от ВВС Турции [20].

Совместно с израильской фирмой «Рафаэл» турецкие компании «Микес» и «РокетСан» планируют изготовить 100 управляемых ракет дальнего радиуса действия (150 км) класса «воздух-поверхность» (*ASM*) *Popeye-2* для самолетов *F-16* и *F-4*. Соответствующее соглашение на сумму \$200 млн. подписано в июне 1999 г. [19, с.388].

В марте - июне 2000г. Министерство обороны Турции достигло предварительной (без торгов) договоренности с израильской компанией *IMI* о

проведении модернизации на сумму \$170 млн. 160 танков *M-60*. Соглашением предусматривалась передача Израилем турецкой стороне всех необходимых технологий. Всего до 2003г. планировалось модернизировать 600 танков. Однако под давлением компаний и правительства США это решение было изменено: в 2001г. на модернизацию танков *M-60* были объявлены международные торги. Предполагается, что в торгах победу может одержать американо-турецкая фирма *FNSS* [19, с.379].

Отрицательное отношение мирового сообщества к действиям Израиля в Палестинской Автономии стало для Израиля причиной беспрецедентных потерь или отсрочек по многим военным контрактам:

1. в июле 2001г. Турция отдала тендер на сумму \$4,5 млрд. компании «*Bell Textron*» на покупку современных вертолетов, отвергнув совместное предложение вертолета Ка-50/52 компаний *IAI* (Израиль) и «Камов» (Россия);
2. уступая протестам США, Анкара изменила решение по предоставлению компании *IMI* («*Israel Military Industries*») \$1 млрд. на программу по обновлению турецких танков *M-60* в обход американских компаний;
3. в августе 2001г. Турция возобновила тендер на международные предложения, по которому ранее *IAI* должна была продать Турции спутники-шпионы *Ofeq-3* на сумму \$274 млн.[21].

Однако в 2002г. вновь появились сведения, что, несмотря на требования исламистов прекратить сотрудничество с Израилем, правительство Турции решило продолжить программы по модернизации израильскими фирмами турецких танков *M-60A1* стоимостью в \$688 млн. [22].

В числе программ по израильско-турецкому военно-техническому сотрудничеству планируется поставка для вертолетов, используемых турецкой армией в борьбе с курдами, системы «Гитар» для защиты от ракет *CA-7* и *Stinger* (ранее эти вертолеты были оборудованы системами ночного видения). Это решение было принято после того, как в населенных курдами районах были сбиты 2 боевых вертолета – *AH-1W Super Cobra* и *AS-532 Cougar*, а также 1 вертолет *S-70A* с 17 турецкими военнослужащими на борту [23].

Кроме этого, Израиль борется за контракт на замену используемых ныне в турецкой армии винтовок *G-3* на новейшее стрелковое оружие калибра 5,56 мм. Турция давно планировала закупить самолеты ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения). На открытые по этому пово-

ду торги Израиль представил самолет, оборудованный системой *Phalcon*, причем на закупку четырех таких самолетов ассигнуется \$800 млн.

Особое значение имеет также совместное проведение военно-стратегических исследований. Понятие «оценка угрозы» – важнейший элемент двустороннего сотрудничества. Работы по оценке угрозы были объединены под общим названием «Концепция угрозы - 2000». Обе стороны ведут эти работы сообразно меняющейся ситуации на Среднем Востоке; на организуемых брифингах основное внимание фокусируется на Сирии и Иране. Обмен разведывательными данными, касающимися этих двух стран, продолжается на самом высоком уровне. Кроме этого, имеют место постоянные и тесные контакты между ведущими аналитическим и исследовательскими учреждениями, занимающимися вопросами региональной безопасности и внешней политики, в частности, израильским Центром Стратегических Исследований Бегин-Садат (*The Begin - Sadat Center for Strategic Studies - BESA*), находящимся в США Еврейским Институтом Проблем Национальной безопасности (*Jewish Institute for National Security Affairs - JINSA*) и турецким Центром Евразийских стратегических исследований в Анкаре (*Center for Eurasian Strategic Studies-ASAM*) [24].

Влияние на проблемы региональной безопасности

Как официальные лица, так и аналитики из Турции и Израиля подчеркивают, что отношения между двумя странами не являются военным альянсом в его традиционном понимании, не содержат *casus foederis*, т.е. боевые действия против одной из сторон не являются обязательным условием для вступления в войну или боевые действия другой стороны. Вместе с тем они придерживаются во многом сходных позиций и координируют основные вопросы, связанные с безопасностью. Как отмечается турецкими и израильскими исследователями, отношения между Израилем и Турцией являются стратегическим партнерством, но в то же время это стратегическое партнерство служит не только для поддержания баланса сил, т. к. каждая из сторон обладает необходимой военной мощью, чтобы в одиночку обеспечить свою безопасность на региональном уровне. Это отношения двух «*status quo powers*» не желающих кардинальных геополитических изменений в регионе [25].

В свое время потенциальных противников и соперников израильско-турецкого альянса назвал поименно министр обороны Израиля Ицхак

Мордехай: «Если страны подобные Ирану, Ираку и Сирии думают, что они смогут применить свои силы против Турции, то они должны иметь в виду, что за Турцией стоят объединенные силы. При поддержке этих сил никто в регионе ничего не сможет сделать с Турцией. Я обсудил стратегическую ситуацию с министром обороны США У.Коэном. Эти же стратегические вопросы мы рассмотрели с государственным секретарем Олбрайт и начальником Генерального штаба США. Мы в состоянии совместно противостоять любой угрозе в этом регионе...» [6, с.150-151].

Надо отметить, что и израильяне, и турки указывают, что в военном плане главная цель их стратегического партнерства не в совместных боевых действиях, а в предупреждении военной агрессии против каждой из этих стран.

Практически весь арабский мир озабочен заключением военно-политического альянса Турции и Израиля. Однако степень озабоченности каждой арабской страны варьируется в зависимости от уровня напряженности отношений данной страны с Анкарой и Тель-Авивом. Принято считать, что военно-политическое сотрудничество Турции и Израиля в первую очередь направлено против Сирии. Не углубляясь в историю турецко-сирийских взаимоотношений, отметим только, что именно альянс с Израилем, как полагают многие аналитики, стал главным аргументом в жестком и успешном турецком давлении на Сирию в ходе кризиса 1998г., когда сирийский президент Хафез Асад был вынужден держать свои войска, и без того сильно уступающие турецким, на двух фронтах, и в итоге выполнить турецкие требования: выдворить курдского лидера Абдуллу Оджалана и закрыть базы его организации (*Kurdistan Workers Party - РКК*) на территории Сирии [26]. Этот кризис показал, что сирийская армия (особенно ВВС) не в состоянии выставить серьезную силу против турецкой или израильской армии, и дал турецким военным повод надеяться, что они могут и впредь решать проблемы с Сирией с позиции силы [27, 28].

Однако Турцию беспокоит перспектива (пусть и весьма отдаленная) установления мира между Сирией и Израилем, так как мир между этими странами может противоречить турецким интересам по следующим причинам:

1. Сирия сможет перебросить часть своих войск на турецкую границу.
2. Заключение сирийско-израильского мира не решит спорную проблему водных ресурсов между Турцией и Сирией (имеющую важное

влияние на перспективы стабильного экономического развития и безопасности всего региона) [29], но вынудит США исключить Сирию из числа стран, поддерживающих терроризм, несмотря на ее продолжающиеся (по мнению турок) контакты с РКК [30].

По утверждению ряда арабских экспертов, весной - летом 2002г., в период проведения операции США в Ираке, генеральные штабы Израиля и Турции разработали план совместных боевых действий против Сирии, опасаясь возможных действий Сирии и Ирана, угрожающих безопасности Турции и Израиля. В то же время отметим, что намного более сдержанная позиция Турции относительно войны с Ираком способствовала некоторому потеплению отношений с Сирией. Примером этому послужило событие, которое, казалось, могло внести коррективы в перспективы региональной безопасности и сотрудничества Турции и Израиля. 19 июня 2002г. начальник Генерального штаба Сирии генерал Хасан аль Туркомани совершил первый официальный визит в Турцию [31]. А уже в ноябре 2002г. Турция и Сирия впервые в истории арабо-турецких отношений (если не считать Багдадский пакт 1955г.) подписали договор о военном сотрудничестве. В подписании этого договора, как считается, немаловажную роль сыграла позиция США, заинтересованных в смягчении отношений между двумя странами накануне планируемой операции в Ираке. Однако данное соглашение не только не носит характера стратегического партнерства, но даже не подразумевает серьезного военно-технического сотрудничества и не способно оказать серьезного влияния на военно-политический расклад и перспективы безопасности в регионе, хотя в целом и способствует некоторому смягчению напряженности между двумя странами [32]. Одновременно высказывалось мнение, что это может сказаться на уровне отношений Турции с Израилем.

Остальные арабские страны, в частности Египет, Ливия, Ливан, Саудовская Аравия и др., также были серьезно озабочены турецко-израильским альянсом, и лидеры этих стран неоднократно выступали как с осуждением этого альянса, так и с призывами создать противодействующий им блок. Особенно активно выражал свою позицию саддамовский Ирак, который, с одной стороны хотел этим решить проблемы своей безопасности, а с другой - использовать возможность создания такого блока, чтобы выйти из международной изоляции. Однако до сих пор все попытки как арабских стран, так и других озабоченных турецко-израильским альянсом региональных государств создать альтернативный турецко-израильскому

блок не увенчались успехом. Кардинальные перемены на Среднем Востоке, вызванные операцией США и их союзников против Ирака, не позволяют пока еще с определенностью говорить о перспективах формирования такого блока.

Среди арабских государств выделяется позиция Иордании. Хашимитское королевство, с его особыми отношениями с Израилем, неоднократно выражало желание взаимодействовать как с Тель-Авивом, так и с Анкарой в оборонной сфере. Прорабатываются проекты военно-технического сотрудничества трех стран, а также ведутся консультации по проблемам безопасности, что в будущем может сказаться на изменении формата турецко-израильского альянса.

Возможно, одним из наиболее ключевых элементов влияния турецко-израильского альянса на проблемы региональной безопасности является совместная политика двух стран в отношении Ирана. Это напрямую связано с проблемой нераспространения ядерного оружия в регионе и возможностью нанесения Израилем превентивного ядерного удара в случае появления потенциала по производству такого оружия у Ирана¹. Как отмечают эксперты, в этом случае Израиль вероятнее всего использует свои ВВС - сильнейшие на всем Среднем Востоке, особенно после принятия на вооружение новых самолетов *F-15I* американского производства.

В этом контексте особое значение имеет военно-политическое сотрудничество Израиля с Турцией, в частности проведение совместных учений ВВС, предполагающих в том числе тренировочные полеты самолетов обеих стран в воздушном пространстве Турции и Израиля продолжительностью до одной недели четырежды в году. Считается, что проведение данных учений позволит турецким пилотам ознакомиться с израильской системой боевой тренировки и управления в современных условиях ведения боевых действий. В свою очередь израильские летчики получают опыт по проведению полетов на большие дальности в сложных горных условиях на малой высоте. Некоторые западные исследователи даже утверждают (возможно, несколько преувеличивая), «что Израиль имеет большие возможности и доступ в Турции, чем даже союзники Анкары по НАТО» [33].

---

¹ Об иранской ракетно-ядерной программе и ее влиянии на проблемы региональной безопасности см. подробнее: *Minasian S. The Contemporary Status of Iran's Nuclear Missile Program and the Russian-Iranian Relations // Iran and Caucasus. Vol.VI, Brill, Leiden - Boston. 2002; Минасян С. Иран на пути к ядерной бомбе? (Анализ ракетно-ядерной программы страны) // Центральная Азия и Кавказ, N.3 (27), 2003; Минасян С. Ракетно-ядерная программа Ирана и проблемы региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ, N.4 (28), 2003.*

Предполагается, что данный опыт будет учитываться израильскими летчиками (при этом наиболее вероятно применение израильскими самолетами *F-16C/D/I* и особенно новейших *F-15I*) для нанесения ракетно-бомбовых ударов по объектам в Иране с использованием турецкого воздушного пространства [34].

Кроме этого, особо отметим, что в последнее время подобные учения в небе над Турцией приняли уже трехсторонний характер: в них уже участвуют самолеты ВВС США. В ходе этих учений под названием *Anatolian Eagle* на юго-востоке Турции только в апреле, июне и сентябре 2001г. приняло участие свыше 90 боевых самолетов [35]. Так что нужно учитывать также возможность технического и информационного содействия США израильским в случае нанесения ими воздушного удара по Ирану с использованием воздушного пространства Турции.

О реальности данного факта говорит то, что еще в ходе воздушной операции против Ирака в 1998г. турецкий посол в США заявил, что Турция рассматривала вопрос об разрешении Израилю использовать турецкое воздушное пространство для нанесения ответного «удара возмездия» в случае пуска иракских ракет по Израилю. Естественно, что в случае с Ираном речь может идти не только о «возмездии», но и о превентивном ударе. При этом израильцы могут нанести удар не только по тем объектам ядерной инфраструктуры Ирана, которые, по их мнению, имеют отношение к разработке Тегераном ОМП, но и по позициям ракет и т.д. Используя турецкую территорию, израильцы могут также осуществлять раннее оповещение о пусках ракет с территории Ирана, как это делалось ранее в случае с Ираком. Для Израиля также важно, что он может использовать воздушное пространство Турции для поиска и спасения пилотов сбитых самолетов, для посадки поврежденных израильских самолетов на турецкой территории и базирования отрядов войск специального назначения для действий против Ирана [36].

С точки же зрения Тегерана, израильско-турецкое стратегическое сотрудничество представляет угрозу для безопасности Ирана и тем, что оно ослабляет позиции Сирии - единственного серьезного иранского партнера в регионе, и существенно нарушает сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке [37].

Как отмечает один из идеологов альянса турецкий генерал Ч.Бир, наряду с проблемой распространения ОМП, одной из наиболее важных составляющих альянса является борьба против терроризма, под которой Тур-

ция понимает карательные действия против курдов [38]. В этом вопросе интересы сторон не во всем совпадают, т.к. Израиль долгое время поддерживал курдов Северного Ирака в их борьбе против иракских властей. Однако изменившиеся приоритеты политики безопасности Израиля вынудили его пересмотреть отношение к курдам. Это ярко проявилось в ходе операции израильских ВВС против РКК в Ливане на севере долины Бекаа в ходе операции «Гроздя гнева», а также в содействии израильской разведки в установлении местонахождения и захвата лидера курдов А.Оджалана [39].

Одним из важных аспектов изучаемой нами проблемы является отношение Греции к альянсу Турции и Израиля. Еще в декабре 1994г. между Израилем и Грецией было подписано соглашение о военном сотрудничестве, а уже в январе 1997г. было достигнуто соглашение о модернизации 39 греческих самолетов *F-4E* (установка новой аппаратуры, в частности РЛС *APG-65*) израильской фирмой «Элбит» [40].

Однако дальнейшее углубление военно-политических отношений между двумя странами было остановлено развитием военно-политического сотрудничества Израиля с Турцией, что сразу же вызвало серьезное раздражение в Афинах. В связи с этим министр иностранных дел Греции Пангалос заявил: «Это ошибочный альянс, который возвращает нас к ситуации периода холодной войны... Мы не хотим, чтобы военное сотрудничество между этими странами влияло на отношения между Израилем, Грецией и Кипром». В ответ на заключение в противовес турецко-израильскому альянсу оборонительного пакта между Грецией и Египтом, Тель-Авив предложил Греции провести совместные военно-морские маневры (по примеру совместных израильско-турецких и трехсторонних, с участием иорданских наблюдателей, израильско-турецко-американских учений *Reliant Mermaid*) в акватории Средиземного моря. Но впоследствии Израиль уклонился от их проведения, чтобы не раздражать своих турецких партнеров. Греки, однако, стараются не очень обострять ситуацию. Заместитель министра иностранных дел Греции Кранидиотис даже отметил, что отношения с Израилем в оборонной сфере развиваются и включают обмен разведывательной информацией. Греция выражает также интерес к израильским вооружениям, но их цена не устраивает греческую сторону [41].

Однако эксперты уверены, что в стратегическом плане израильско-турецкое военно-техническое сотрудничество представляет существенную

угрозу для безопасности Греции и Кипра. Например, один из возможных проектов на поставку в Турцию израильских вооружений - беспилотные воздушные средства, по производству которых Израиль «занимает, возможно, первое место в мире». Их применение повысит возможности турецких вооруженных сил вдоль юго-восточных границ Турции, а также в зоне Восточного Средиземноморья. Также неоднократно появлялись сведения, что турецкие летчики вместе со своими израильскими коллегами совершенствовали навыки по борьбе с системами ПВО, находящимися на вооружении Греции и Кипра, используя базы и аэродромы на территории Израиля [42].

Турция увеличила количество запрашиваемых у Израиля ракет типа «воздух-земля» *Porcupine-1* со 100 до 200 единиц. Развитием этой модели является *Porcupine-2*, которая, как полагают эксперты, особенно эффективна против ЗРК *S-300*, закупленных Кипром. Общая стоимость проекта оценивается в \$500 млн. Еще одно совместное производство по израильской лицензии - ракеты дальнего действия «Делила». Эти ракеты нужны Турции в связи с «возросшей ракетной угрозой Ирана и Сирии», но могут быть активно применены и для действий против Греции [6, с.165].

Возрастает влияние на перспективы региональной безопасности военно-морского сотрудничества Турции и Израиля в зоне Средиземного моря. Хотя до последнего времени израильские ВМС всегда являлись второстепенным родом войск, однако в будущем их роль будет усиливаться, в первую очередь в связи с принятием на вооружение дизельных подводных лодок класса *Dolphin* (немецкий проект 212), которые намечается оснастить баллистическими ракетами морского базирования. Сильнейшие в акватории Восточного Средиземноморья турецкие ВМС могут осуществлять прикрытие этих субмарин, а порты Турции - служить их дополнительными базами, что ввиду малых размеров Израиля позволит увеличить их живучесть и даст возможность нанесения гарантированного ответного удара в случае применения против Израиля ядерного или иного оружия массового поражения [36, р.51].

Кроме того, вероятны действия по морской блокаде Сирии (что вполне возможно, учитывая ограниченный потенциал сирийских ВМС), а также обеспечение безопасности морских коммуникаций Израиля совместными силами турецкого и израильского флотов. Причем данные действия не обязательно будут иметь характер прямых совместных боевых действий Израиля и Турции, но увеличат возможности сдерживания вероятных

противников. Все это позволит особенно усилить потенциал и гибкость стратегического сдерживания Израиля, что, естественно, будет иметь существенное влияние на региональную безопасность.

В последнее время все возрастает роль Израиля и Турции на постсоветском пространстве. При этом обе страны имеют пересекающиеся интересы, в том числе недопущение усиления влияния Ирана, особенно в вопросе транзита энергоресурсов, распространения идей исламского фундаментализма внутри центральноазиатских республик и т.д. Интересы Турции и Израиля в сфере безопасности во многом совпадают и с США.

Но если раньше считалось, что Израиль использует Турцию для представления своих интересов в государствах Центральной Азии и Азербайджане, то в последние годы намечается активизация самостоятельной израильской политики в регионе, в том числе - в военно-политической сфере. Ключевое значение альянса в регионе обуславливается и тем, что Израиль активно поддерживал Азербайджан в войне в Нагорном Карабахе, в усилении его разведывательных спецслужб, а также поставлял вооружения азербайджанской армии [33, р.119]. Для израильско-турецкого альянса Азербайджан является самым надежным партнером на постсоветском пространстве. Естественно, сама Турция также осуществляет очень тесное военно-политическое сотрудничество с Азербайджаном в самых различных сферах, начиная с обучения и совместных учений до поставок вооружений и боевой техники. В частности, подтверждаются совместные турецко-израильские поставки Азербайджану ПЗРК *Стингер* и других вооружений [43].

Как отмечают азербайджанские исследователи, идея создания тройственного военно-политического союза с участием Турции, Израиля и Азербайджана, за которой, по их собственному признанию, «просматривается тень Вашингтона», пользуется особой поддержкой азербайджанской общественности. Считается, что данный вопрос наиболее актуализировался с декабря 1999г., когда Баку посетил заместитель министра обороны Израиля бригадный генерал Эфраим Сней, являющийся председателем со стороны Израиля в американско-азербайджано-израильской межпарламентской группе дружбы, созданной еще в 1998г. в ходе визита в США Ильхама Алиева. Эфраим Сней провел ряд встреч с официальными лицами Азербайджана, в том числе и с президентом Гейдаром Алиевым, на которых обсуждались различные вопросы двустороннего сотрудничества, а

также региональные проблемы. Позднее состоялись и другие визиты, встречи и консультации официальных лиц Израиля и Азербайджана.

Впрочем, реальность создания оформленного стратегического военно-политического альянса трех государств в ближайшем будущем вызывает весьма большие сомнения даже среди наиболее ревностных сторонников подобного союза в самом Азербайджане. На это влияет позиция как соседних с Азербайджаном России и Ирана, так и большинства мусульманских стран, имеющих действенные рычаги давления на Баку для недопущения создания подобного военно-политического союза. Кроме того, уровень азербайджано-израильских отношений во всех сферах несопоставим с уровнем взаимоотношений между Азербайджаном и Турцией, которых, помимо всего прочего, связывает этническая, языковая и религиозная общность. Несмотря на активные политические контакты между Израилем и Азербайджаном, их экономические связи весьма слабы. К примеру, объем экспорта и импорта между Азербайджаном и Израилем в период с 1996 по 1998гг. составил всего \$23,1 млн. (при этом львиную часть составил нефтяной экспорт из Азербайджана и телекоммуникационного оборудования из Израиля), тогда как за тот же период товарооборот между Турцией и Азербайджаном (практически во всех сферах) составил свыше \$832,2 млн. [44]. Данные факторы не позволяют пока говорить о реальности появления в регионе оформленного азербайджано-турецко-израильского военно-политического альянса, даже если он будет создаваться при активном одобрении и содействии Вашингтона.

Впрочем, это существенно не влияет на предоставление военно-технической помощи Азербайджану со стороны Турции и Израиля, осуществляемой вне зависимости от уровня экономических и политических связей или от степени оформленности их отношений в рамках какого-либо альянса или иной структуры. По различным оценкам, Израиль, кроме оружия направил в Азербайджан также технику связи, около 140 военных специалистов и советников по проблемам безопасности. Региональная значимость турецко-израильского альянса заключается и в том, что еврейское лобби в США активно поддерживает турецкие маршруты транспортировки энергоресурсов, в первую очередь Баку-Тбилиси-Джейхан.

Еще одной областью действий еврейского лобби США является, как отмечают многие эксперты, противодействие греческим и армянским группам влияния, в частности в вопросе признания Геноцида армян американским Конгрессом. Несмотря на пережитый Холокост, память о кото-

ром живет в каждом еврее, Израиль, тем не менее, занимает резко отрицательную позицию в вопросе признания Геноцида армян в Османской империи, т.к. для него это увязывается с одним из ключевых элементов его безопасности – взаимоотношениями с Турцией. Перед своим официальным визитом в Турцию в апреле 2001г. министр иностранных дел Израиля Шимон Перес даже заявил: «Бессмысленно утверждать, что армяне, подобно евреям, подверглись геноциду. В вопросе геноцида идентификация армян с евреями неприемлема» [45]. В связи с тем, что Армения ввиду наличия ряда проблем во взаимоотношениях с Турцией воспринимает ее как реальную угрозу своей национальной безопасности, усиление влияния как самой Турции, так и ее стратегического партнера – Израиля, до разрешения спорных вопросов между Ереваном и Анкарой, естественно не будет способствовать перспективам региональной безопасности Южного Кавказа [46].

Надо заметить, что Турция в некоторой степени явилась проводником израильской политики и в регионах, примыкающих к Центральной Азии, в частности в Афганистане [47]. В начальный период появления движения «Талибан» Тель-Авив, не без указки США, рассматривал талибов как ярко выраженную антииранскую силу, которая может ослабить позиции и влияние Ирана в Афганистане. Израильская разведка «Моссад» даже установила связи с движением «Талибан» через Пакистан и американские нефтяные кампании, заинтересованные в прокладке трубопроводов через Афганистан. При этом отметим, что хотя Пакистан не признает Государство Израиль и не имеет с ним дипломатических отношений, еще в годы войны против советских войск в Афганистане пакистанская разведка ISI (*Inter Service Intelligence*) через ЦРУ установила контакты с «Моссадом». Однако с изменением отношения США к «Талибану», связанным с ужесточением исламского фундаментализма, нарушением прав человека в Афганистане, активной торговлей наркотиками и неудачным исходом переговоров с талибами американских нефтяных компаний (например, *Unocal*) Израиль также резко поменял свое отношение к талибам. Этому в некоторой степени способствовала и политика Анкары в афганской проблеме, где Турция открыто поддерживала оппозиционного талибам узбекского генерала Р.Достума. Как отмечает один из известных специалистов по Афганистану Ахмед Рашид, поскольку проект *Unocal* развалился, и Израиль осознал, что его союзники в Центральной Азии и Турция не при-

емлют талибов, «Моссад» наладил контакты с антиталибским альянсом [48].

Одним из новых направлений внешней политики Израиля в 1990-х гг. стали его отношения с Индией. После признания Индией еврейского государства в январе 1992г. между ними быстро установились тесные военно-политические контакты в сфере военных технологий, обмена разведывательной информацией и борьбы с терроризмом. Однако в последнее время среди экспертов по проблемам региональной безопасности появились мнения о возможности формирования элемента так называемой «двойной периферии» в израильской внешней политике в регионе с участием Турции, Индии и Израйля.

Говоря о перспективах взаимоотношений в треугольнике Индия-Израиль-Турция, надо отметить, что для них существуют такие объективные предпосылки, как проблемы терроризма и сепаратизма (курды, палестинцы, тамильские и кашмирские сепаратисты в Индии и т.д.). Впрочем, эти взаимоотношения нельзя рассматривать как создание нового стратегического тройственного союза в регионе, учитывая тесные военно-политические связи Анкары с Исламабадом (традиционная поддержка Пакистана Турцией в кашмирском вопросе, совместные программы по обучению военнослужащих, обмен информацией) [49], [50] и довольно теплые отношения Дели с Тегераном (во многом сходные позиции по афганской проблеме, политике в Центральной Азии, отношениям с государствами Запада, в первую очередь США, а также с целью несколько уравновесить мощь Пакистана в регионе) [51]. Однако все три стороны заинтересованы в организации взаимовыгодного сотрудничества в военно-технической сфере. С 1992г. Израиль вышел на третье (после России и Франции), а по некоторым данным - на второе после России место по объемам поставок продукции военного назначения на индийский рынок вооружений. Индия со своей стороны стала вторым по величине (после США) зарубежным партнером Израйля в сфере военного бизнеса [52].

Кроме чисто военно-технического сотрудничества между Израилем и Индией их отношения характеризуются и некоторой геостратегической направленностью, т.к. между сторонами существует договоренность об использовании израильскими вооруженными силами индийских полигонов для проведения учебных стрельб и испытаний ракетного оружия. Так, в мае 2000г. на морском ракетном полигоне близ г. Баласор (штат Орисса, Индия) был осуществлен пуск крылатой ракеты с

израильской подводной лодки класса *Dolphin*. Ракета, которая, по мнению экспертов, может быть оснащена ядерной боеголовкой, поразила цель на дальности в 1250 км [53]. Данный факт существенно изменил весь военно-стратегический баланс сил на Среднем Востоке. Если раньше ядерные силы Израиля состояли в основном из наземного компонента (ядерные боезаряды на баллистических ракетах *Jericho-1/2*, ствольная артиллерия и ядерные мины), а также воздушного компонента (в первую очередь самолеты *F-16* с ядерным оружием), то с принятием на вооружение данных субмарин с ядерными крылатыми ракетами на борту Израиль станет первым «новым членом ядерного клуба», стратегические ядерные силы которого составят классическую воздушно-наземно-морскую триаду [54].

Заключение

Одним из главных итогов войны с Ираком, вероятно, станет усиление военно-политического сотрудничества Израиля и Турции. На фоне охлаждения отношений Турции и США, несмотря на противодействие турецкого генералитета, прогнозируется дистанцирование Турции и США вплоть до такого уровня отношений, который бы не повредил членству Турции в НАТО, а роль США в продолжении обеспечения ее безопасности также будет снижаться. Одновременно возрастает вероятность втягивания государств региона в новые вооруженные конфликты, что увеличивает стимулы для углубления турецко-израильских отношений.

В тоже время предполагается, что в период, когда США будут заниматься проблемами послевоенного устройства Ирака, Израиль попытается в свою очередь решить многие проблемы с палестинцами [55]. И именно это в перспективе может стать большим препятствием на пути сотрудничества Анкары и Тель-Авива (что, кстати, и было одной из основных причин некоторого охлаждения отношений двух стран с конца 70-х до начала 90-х гг. XX в.), чем даже противодействие арабских стран [33, р.144]. Так, летом 2000г. свыше 400 турецких офицеров подписали петицию, призывающую разорвать отношения с Израилем и углубить отношения с арабскими государствами. Кроме этого, глава объединения независимых промышленников и предпринимателей Турции Али Огло призвал к пересмотру отношений с Израилем после инцидента с участием Ариэля Шарона в мечети «Аль Акса», назвав этот инцидент вызовом религиозным чувствам не только палестинцев, но и всех мусульман [56].

Действительно, нельзя однозначно утверждать, что многие в Турции разделяют мнение о необходимости развития военно-политического сотрудничества с Израилем. В недрах турецкого общества есть весьма существенные силы, рассматривающие альянс с Израилем как предательство национальных интересов Турции и исламских идей в целом. Одновременно эти проявления тесно увязываются с антисемитскими и паносманистскими (реваншистскими) стереотипами, прочно укоренившимися среди турецкой политической элиты и интеллигенции. Например, 4 апреля 2002г. премьер-министр Турции Б.Эджевит назвал действия израильтян против палестинцев не иначе как «геноцидом» и подверг резкой критике израильского премьера А.Шарона. Однако уже на следующий день он поправил свои слова, отметив, что они были неправильно интерпретированы, а некоторые турецкие военные даже поддержали израильские действия в отношении палестинцев. Важность, которую обе стороны придают двусторонним взаимоотношениям, заставила вскоре посчитать инцидент исчерпанным [57].

Однако еще с 2000г. некоторые аналитики указывали, что после того, как турецкие спецслужбы захватили А.Оджалана и ослабили боевые действия, осуществляемые PKK - KADEK в отношении Турции, а также наметившегося потепления отношений между Сирией и Турцией, в стратегическом партнерстве Анкары и Тель-Авива ощущается некоторое дистанцирование. Особенно это проявилось в ходе голосования Турции в 2000г. в поддержку осуждения Генеральной Ассамблеей ООН противоправных действий Израиля против палестинцев на оккупированных территориях. Сразу после этого президент Турции Ахмед Сезер подверг критике политику Израиля на оккупированных территориях в ходе заседания комитета по торговле организации «Исламская конференция» в Стамбуле, что позволило аналитикам опять заговорить об охлаждении турецко-израильских отношений [58].

В ответ секретарь израильского МИДа Алоун Лейл заявил, что его правительство не согласно с позицией Турции относительно развития событий в Палестине и недоволено турецким голосованием в ООН. Он назвал голосование Турции «сюрпризом» для Израиля, а последующую речь А.Сезера, осуждающую террор Израиля и поддерживающую права палестинцев, обозреватели назвали «вторым ударом» по Израилю. Неделей раньше, во время визита в Турцию, Лейл призвал турецкую сторону не поддерживать антиизраильскую резолюцию Генеральной Ассамблеи и

«не идти той неправильной дорогой, по которой она шла в 1960-х и 1970-х гг.», спонтанно голосуя совместно с арабскими государствами [59].

Однако на самом деле, как замечает ведущий аналитик Вашингтонского института Ближневосточной политики (A Senior Research Fellow of The Washington Institute for Near East Policy) Алан Маковский, и турецкие, и израильские официальные лица еще с самого начала установления тесных отношений в середине 1990-х гг. постоянно воздерживались от публичной поддержки друг друга по спорным вопросам международной и региональной политики, особенно учитывая отрицательную позицию внутри своих стран по этим проблемам. Турция, даже после установления дипломатических отношений с Израилем в декабре 1991г. на полном, посольском уровне, почти всегда последовательно голосовала совместно с арабскими странами по резолюциям ООН, касающимся палестинцев. При принятии 179 резолюций Генеральной Ассамблеи ООН Турция (исключая 9 случаев) голосовала против Израиля. Но, как отмечает А.Маковский, в основном эти резолюции касались чисто гуманитарных вопросов, а также защиты прав палестинских беженцев. В то же время Израиль, в свою очередь, «стремясь не обострять отношений с курдами и не наживать себе новых врагов», редко когда называл РКК террористической группой и старался не поддерживать турецкую политику в отношении курдов [58].

Итоги взаимных визитов высокопоставленных официальных лиц обоих государств в 2003г. позволяют предполагать, что и Турция, и Израиль вновь полны решимости продолжать сотрудничество в сфере обороны и безопасности, причем именно в контексте так называемой «борьбы с международным терроризмом». К примеру, в ходе переговоров в Анкаре турецкого министра обороны Векти Гонула со своим израильским коллегой Шаулом Мофазом, наряду с сотрудничеством в военно-промышленной области (общий уровень экспорта израильских вооружений в Турцию в 2002г. составил более \$1 млрд.), обсуждался также весь комплекс вопросов в сфере взаимодействия двух стран по борьбе с так называемыми международными террористическими организациями. А в сентябре 2003г. вместе с рядом высокопоставленных сотрудников турецких спецслужб в Израиль прибыл министр внутренних дел Турции Абдулкадир Аксу. Это был первый визит министра из состава нового исламского турецкого правительства в Израиль. Основной целью визита главы турецкого МВД в Израиль было восстановление в полном объеме сотрудничества между соот-

ветствующими ведомствами двух стран по обмену информацией в сфере безопасности. Данная проблема вновь приобрела особую остроту для Турции, поскольку, несмотря на объявленную турецким правительством амнистию для членов PKK – КАДЕК, последняя заявила о прекращении действия режима перемирия с Турцией. Поэтому в совместном периодическом издании одного из авторитетнейших американско-израильских аналитических центров по проблемам безопасности - JINSA (Jewish Institute for National Security Affairs) и Ассамблеи Турецких Ассоциаций Америки (Assembly of Turkish American Associations) указывается: «В усилиях Турции по прекращению деятельности PKK поддержка Израиля имеет исключительное значение. Израильская разведка действует в Северном Ираке уже более трех десятилетий и имеет тесные контакты с курдскими организациями в регионе» [60].

Новым подтверждением тесного сотрудничества двух стран стало соглашение о взаимодействии в сфере борьбы с терроризмом, а также в области развития технических средств для антитеррористических действий, в том числе против турецких радикальных исламских организаций, подписанное в ходе визита в Анкару в конце декабря 2003г. министра общественной безопасности Израиля Ц.Ханегди. Данное соглашение во многом было вызвано на шумевшими террористическими актами в Турции, имевшими явный антиизраильский характер [61].

Несмотря на все сложности и проблемы (вызванные во многом комплексным внутривосточным и внешнеполитическим давлением на правительства обеих стран), с началом XXI в. прогнозируется все большее усиление израильско-турецкого стратегического сотрудничества, по той простой причине, что главным императивом для обеих стран является политика в сфере безопасности [62]. При этом, если для самих Израиля и Турции, а также США, этот альянс представляется ядром будущей системы региональной безопасности, то по мнению их оппонентов, он вызовет реактивную систему формирования альтернативных блоков, новый виток напряженности и гонки вооружений, что в итоге негативно отразится на перспективах безопасности на всем Среднем и Ближнем (Большом Ближнем) Востоке.

Источники и литература

1. *Heller M.A.* Continuity and Change in Israel Security Policy // Adelphi Paper 335, IISS: London, 2000, p.15.
2. *Nachmani A.* The Remarkable Turkish-Israel Tie // Middle East Quarterly, Vol.5, N.2, Spring 1998.
3. *Вахтан Д.* Turkey and Israel: A New Balance of Power in the Middle East // The Washington Quarterly, Winter 1999.
4. *Bengio O., Özcan G.* Changing Relations: Turkish-Israeli-Arab Triangle // Perceptions, Vol.V, N.1, March-May 2000
5. *Конович Ф.Е.* Турецко-израильские отношения в 90-е годы (военно-политический аспект) // Востоковедный сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Федорченко А.В., Филоник А.О. ИИИБВ: М., 2002.
6. *Киреев Н.Г.* Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.) // Ближний Восток и современность. Вып.5 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М., 1998.
7. *Иванова И.И.* Турецко-израильские отношения и проблемы региональной безопасности // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности / Сост. Арунова М.Р. ИИИБВ: М., 2000.
8. *Минасян С.* Израиль – Турция: военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // Центральная Азия и Кавказ, №1, 2004.
9. *Minasian S.* The Turkish-Israeli Military and Political Co-operation and Regional Security Issues Iran and the Caucasus, Vol. VII. Brill, Leiden-Boston.
10. *Sezer D.B.* Turkey's Political and Security Interests in the New Geostrategic Environment of the Expanded Middle East // Stimson Center Occasional Paper, N.19, Washington, July 1994, p. 25.
11. *Hickok M.R.* Hegemon Rising: The Gap Between Turkish Strategy and Military Modernization // Parameters, The US Army War College Quarterly. Summer 2000, p.106-111.
12. Force Projection in the Middle East // Strategic Survey 1998/99, IISS: London, 1999, p.164.
13. *Pipes D.* A New Axis: The Emerging Turkish-Israeli Entente // The National Interest, N.50, Winter 1997 - 1998.
14. *Козюлин В.* ВТС: Российско-израильское противостояние // Ядерный контроль, Т.9, N.1, Весна 2003, с.33-34.
15. *Sariibrahimoglu L.* Israel to Brief Turkey on Arrow-2 // Jane's Defense Weekly. 16 January 2002, p.4.
16. The Arrow Missile Interceptor Deployed In Israeli-Turkish-U.S. Air Exercise // Middle East News Line, 22.07.2001.

17. Основные текущие программы модернизации самолетов вооруженных сил зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение, N.5, 1999, с.35.
18. *Алексеев А.* Сотрудничество Турции и Израиля в укреплении национальных ВВС // Зарубежное военное обозрение, N.4, 1997, с.30-32.
19. *Маратов М.М.* Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред. Ахмедов В.М., ИИИБВ: М.2002, с.373-376.
20. *Симановский С.И.* Оборонно-промышленный комплекс Израиля // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред. Ахмедов В.М., ИИИБВ: М.2002, с.295-301.
21. *Марьясис Д.А.* ВПК Израиля на рубеже веков // Востоковедный сборник. Вып.3 / Отв. ред. Федорченко А.В., Филоник А.О. ИИИБВ: М. 2002, с.230-238.
22. Jane's Defense Weekly. 10 April 2002, p.4.
23. *Sariibrahimoglu L.* Turkey Places Helicopter Electronic Warfare Contracts // Jane's Defense Weekly. 16 January 2002, p.15.
24. The Begin - Sadat Center for Strategic Studies (BESA) Bulletin, N.15, February 2003, p.3.
25. *Bir Ç., Sherman M.* Formula for Stability: Turkey Plus Israel // Middle East Quarterly, Fall 2002, p.29.
26. *Makovsky A., Eisenstadt M.* Turkish-Syrian Relations: A Crisis Delayed? // WINEP, Policywatch N.345, 14 October 1998, (www.washingtoninstitute.org).
27. *Benett R.M.* The Syrian Military: A Primer // Middle East Intelligence Bulletin, Vol.3, N.8, August/September 2001.
28. *Bir Ç.* Reflections on Turkish-Israeli Relations and Turkish Security // WINEP, Policywatch N.422, 5 November 1999, (www.washingtoninstitute.org).
29. *Lorenz F.M., Erickson E.J.* The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project. NDU: Washington, 1999, p.17-28.
30. *Khalilzad Z., Lesser I.O., Larrabee F.S.* The Future of Turkish-Western Relations: Toward A Strategic Plan. RAND: Santa-Monica, 2000, p.38-39.
31. *Mufti M.* Turkish-Syrian Rapprochement: Causes and Consequences // WINEP, Policywatch N.630, 21 June 2002, (www.washingtoninstitute.org).
32. *Мурадян И.* Проблемы безопасности в ближневосточной политике США. Ереван, 2003, с.128-130.
33. *Larrabee F.S., Lesser I.O.* Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. RAND: Santa-Monica, 2003, p.141.
34. *Jung D., Piccoli W.* The Turkish-Israeli Alignment: Paranoia or Pragmatism? // Security Dialogue. March 2000, Vol.31, N.1, p.95-96.
35. Israel Center Stage: Country Briefing // Jane's Defense Weekly. 1 May 2002, p.25.
36. *Inbar E.* Regional Implications of the Israeli-Turkish Strategic Partnership // Middle East Review of International Affairs. Vol.5, N.2 (Summer 2001), p.51.

37. *Aras B.* Turkish-Israeli-Iranian Relations in the Nineties: Impact on the Middle East // Middle East Policy. Vol. VII, N.3, June 2000, p.152-155.
38. *Bir Ç.* Turkey's Role in the New World Order: New Challenges // Strategic Forum, INSS, N.135, February 1998.
39. *Ахмедов В.* Противостояние // Азия и Африка сегодня, N.1, 2000, с.14.
40. Основные текущие программы модернизации самолетов вооруженных сил зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение, N.5, 1999, стр.35.
41. *Abadi J.* Constraints and Adjustments in Greece's Policy Toward Israel // Mediterranean Quarterly, Fall 2000, Vol.11, N.4, p.66-68.
42. *O'Sullivan A.* Turkish F-16s Use Israeli Base to Practice Evading S-300 Missiles // Jerusalem Post, 17.07.1998.
43. *Резаи А.* Израиль в Центральной Азии // Аму-Дарья, N.1, 1999, с.103-104.
44. *Велиев А.* Треугольник Израиль-Турция-Азербайджан: реальность и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, N.2 (8), 2000, с.105-111.
45. *Сваранц А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002, с.371-376.
46. *Asatryan G.S.* Armenia and Security Issues in the South Caucasus // Connections, The Quarterly Journal, PfP Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes, Vol.1, N.3, 2002, p.24-27.
47. *Малеки М.-П.* Турецко-израильские отношения и их влияние на Центральную Азию и Кавказ // Аму-Дарья, N.2, 1999, с.44-50.
48. *Rashid A.* Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. London, New York, 2002, p.154.
49. *Berman I.* Israel, India, and Turkey: Triple Entente? // Middle East Quarterly. Fall 2002, Vol.9, N.4
50. *Kumaraswamy P.R.*, India and Israel: Evolving Partnership // BESA Mideast Security and Policy Studies, N. 40, Sept. 1998.
51. The Iranian Journal of International Affairs. Vol. XII, N1, Spring 2000, p.139-144.
52. *Прокофьев А.В.* Индийско-израильские отношения: десять лет // Ближний Восток и современность. Вып.14 / Отв. ред. Арунова М.П. ИИИБВ, М. 2002. с.221-225.
53. *Said M. K.* Missile Proliferation in the Middle East: a Regional Perspective // Disarmament Forum, UNIDIR, N.2, 2001, p.58.
54. *Farr W.D.* The Third Temple's Holy of Holies: Israel's Nuclear Weapons // Counter proliferation Paper N2, USAF Counter proliferation Center, Air War College. Alabama, 1999, p.19-20.
55. *Terrill A. W.* Strategic Effects of the Conflict with Iraq: The Middle East, North Africa, and Turkey. U.S. Army War College, SSI: Carlisle, March 2003, p.11-13.
56. Turkish Officers Call for Boycotting Relations with Israel // Turkey-Israel Politics, 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/2001022706.html).
57. *Migdalovitz C.* Turkey: Issues for U.S. Policy. CRS: The Library of Congress, Washington, 22 May 2002, p.16-17.

58. *Makovsky A.* Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension // WINEP, Policywatch N.502, 10 November 2000, (www.washingtoninstitute.org).
59. Turkish Backing to Israel Deteriorated // Turkey-Israel Politics, 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/2001022706.html).
60. The Observer. A Quarterly Review of Cooperation: U.S., Turkey and Israel. JINSA, ATAA: Washington, N.4, October 2003, p.3-4.
61. Israel, Turkey Sign “War on Terror” Cooperation Pact // Ha’aretz, 27.12.2003.
62. *Makovsky A.* Israel-Turkey: Strategic Relationship or Temporary Alliance? The Middle East in 2015: The Impact of Regional Trends on U.S. Strategic Planning. Ed. by Yaphe J.S. NDU: Washington 2002, p.231-235.

6 мая, 2004г.

**ԹՈՒՐԶ-ԻՍՐԱՅԵԼՅԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐԱԿԱՆ
ՀԱՍԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՏԱՐԱԾԱՇՐՁԱՆԱՅԻՆ
ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱՀԱՐՑԵՐԻ ՀԱՍԱՏԵՔՍՏՈՒՄ**

Մերզեյ Մինասյան

Ամփոփագիր

Պետք է նշել, որ Իսրայելը իր անվտանգության ռազմավարությունը մշակելիս միշտ ավանդաբար հենվում է երկու հանգուցային նկատառումների վրա: Նախ՝ դա այն է, որ մեծ գերտերությունների օժանդակությունը հրեական պետությանը «կանխորոշված» փաստ է (Ֆրանսիան, իսկ այնուհետև՝ ԱՄՆ-ը), որը ենթադրում է ռազմական տեխնոլոգիաների տրամադրում, ինչպես նաև քաղաքական աջակցության ցուցաբերում՝ Իսրայելի կողմից համաշխարհային մասշտաբներով իրականացվող զսպման և կանխարգելիչ գործողությունների ռազմավարությունը սատարելու համատեքստում: Հաջորդ հանգուցային ասպեկտը՝ դա «ծայրամասային ռազմավարության» անվան տակ հայտնի քաղաքականությունն է, որը միտված է ոչ արաբական պետությունների հետ անվտանգության ոլորտում համագործակցության զարգացմանը: Այս գործընթացը սկիզբ առավ մի կողմից Իսրայելի, իսկ մյուս կողմից քրիստոնեա Եթովպիայի ու շահական Իրանի հետ գաղտնի կապերի ստեղծմամբ: Բացի ռազմա-տեխնիկական և հետախուզական համագործակցության շրջանակից, Թել-Ավիվի «ծայրամասային ռազմավարության» ուղղություններից մեկն էր ազգային և կրոնական փոքրամասնությունների օժանդակումը արաբական երկրներում, ինչպիսիք էին

Լիբանանի քրիստոնյաները կամ հարավային Մուդանի ապստամբները: Մակայն այս կարգի համագործակցության առավել լուրջ և հեռահար օրինակն էր Իրաքի տարածքում քրդական ընդդիմության աջակցումը, որն իրագործվում էր շահական Իրանի հետ համատեղ: Այս համագործակցությունը դադարեցվեց 1975թ., երբ Թեհրանը վճռեց սահմանափակել Իսրայելի մուտքը դեպի Իրաքի քրդաբնակ տարածքները:

1950-ական թթ. վերջին Մերձավոր Արևելքում տեղի ունեցած հիմքային փոփոխությունները, որոնք պայմանավորված էին տարածաշրջանում Սովետական Միության ազդեցության աճի, ինչպես նաև Իրաքում գնդապետ Քասեմի կողմից կազմակերպված իշխանափոխության, մղեցին Թուրքիային համադրելու ջանքերը Իսրայելի հետ՝ հակաարաբական դաշինք ստեղծելու գործում: Այս իրադարձությունները հիմք հանդիսացան, որպեսզի երկու երկրների միջև տարաբնույթ կապեր հաստատվեին՝ գլխավորապես ռազմական և քաղաքական ասպարեզներում: Չնայած վերելքներին և անկումներին՝ այդ հարաբերությունները գնալով ձեռք բերեցին ամբողջական ռազմավարական համագործակցության յուրահատուկ մի տեսք, ինչն առավել ակնառու դարձավ 1990-ական թթ. կեսերին՝ նախադրյալներ ստեղծելով թուրք-իսրայելական ռազմա-քաղաքական դաշինքի համար, որն էլ դարձավ տարածաշրջանային անվտանգության հանգուցային բաղկացուցիչը:

Նպատակ չունենալով խորանալու այս երկու երկրների միջև կազմավորվող ռազմավարական դաշինքի հիմքում ընկած պատճառների և շարժառիթների մեջ, ինչն արդեն լայնորեն ուսումնասիրված է՝ մեր հոդվածում մենք սահմանափակվել ենք այդ ռազմավարական համագործակցության շրջանակում ռազմական և ռազմատեխնիկական գործակցության բնագավառներում առկա վիճակի և հեռանկարների քննարկմամբ, ինչպես նաև, այդ հանգամանքով պայմանավորված, տարածաշրջանային անվտանգության վրա ընդհանուր ներգործության խնդիրներով:

Չնայած բոլոր բարդություններին և հիմնախնդիրներին՝ թուրք-իսրայելյան դաշինքը ամրապնդվելու է այն պարզ պատճառով, որ երկու երկրների սկզբունքային առաջնահերթությունն է՝ անվտանգությունը: Միևնույն ժամանակ, քանի դեռ Իսրայելն ու Թուրքիան՝ ԱՄՆ-ի հետ մեկտեղ դիտարկում են այս դաշինքն իբրև տարածաշրջանային անվտանգության ապագա անկյունաքարը, նրանց ընդդիմախոսների կարծիքով դա կիրահրի այլընտրանքային բլոկներ ստեղծելուն միտված մի շարք պատասխան գործողություններ, որոնք կսրեն լարվածությունը Մերձավոր Արևելքում՝ ընդհանուր առմամբ:

ISRAEL-TURKEY STRATEGIC CO-OPERATION IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY PROBLEMS

Sergey Minasian

Resume

It is to be noted that the Jewish state was traditionally leaning to secure its strategy with regard to the two crucial presumptions. One was “determinism” assuming the support to Israel by a leading superpower (France, and later US), so as to obtain the up-to-date military technologies and political backing on a world-wide scale for the various preemptive and preventive strikes needed to maintain the policy of deterrence. Another crucial aspect is the mentioned “peripheral strategy” of security cooperation with the non-Arab regional powers. That process had been initiated by secret links of Israel with the Christian Ethiopia and the Shah-controlled Iran. Besides the political and military and technical cooperation or exchange of intelligence information between those states, part of the “peripheral strategy” was the Israeli support of the religious and national minorities within the Arab states, like the Christians in Lebanon or the rebels in the South of Sudan. However, the most ambitious example of this kind was cooperation with the Shah-controlled Iran in supporting the Kurdish opposition in North Iraq going on up to 1975 when the Shah decided to improve the relations with Iraq blocking the Israeli access to the Kurdish-populated Iraqi areas.

The profound changes in the Middle East in the late 50s of the last century resulting from an increased influence of the Soviet Union and an effective breakdown of the Baghdad Pact after the Iraqi withdrawal through Colonel Kassem’s coup made Turkey join the Israeli efforts to create an anti-Arab alliance. This event has set off the close multifarious links between the two countries, primarily in the military and political domain. Despite ups and downs, those relations had acquired a more and more specific character of a complete strategic partnership by the mid 90s thus suggesting a tendency to forming a military-political alliance between Turkey and Israel, which has become a key factor of regional security to date.

Rather than to analyze the causes and motivations of the emerging strategic alliance between the two states or the developing Israeli-Turkish military-political cooperation, amply covered by relevant literature, in our paper we

should restrict ourselves to considering the current status and the prospective strategic cooperation in the military and military hardware domains as well as their general effect upon the problems of regional security.

Despite all complexities and problems, the Israeli-Turkish alliance is going to gain strength up by the simple reason that the crucial imperative for both countries is the policies in the sphere of security. In the meantime, while Israel and Turkey themselves, together with US, view this alliance as a nucleus of the future system of regional security, in the opinion of their opponents it will trigger a series of response activities of building alternative blocks and a new spiral of tension, which will eventually affect the prospective security in the Middle East as a whole.